

ИЗ ОБЛАСТИ БАЛТО-СЛАВЯНСКИХ ФОЛЬКЛОРНЫХ СВЯЗЕЙ

В. Н. ТОПОРОВ

В настоящее время едва ли можно говорить о каких-либо результатах последовательного сравнительного изучения балтийского и славянского фольклора, хотя идея сопоставления соответствующих фактов, как и частные примеры балто-славянских фольклорных параллелей, присутствовала уже в ряде старых исследований¹. Если не считать некоторых более или менее случайных причин игнорирования сравнительного изучения произведений народного творчества балтийских и славянских народов, то следует отметить, видимо, два обстоятельства, препятствовавших долгое время (а отчасти и сейчас) развертыванию исследований в этой области. Речь идет о недостаточном количестве полноценного и удобно расклассифицированного материала фольклорных текстов (особенно балтийских), во-первых, и о предвзятости некоторых теоретических концепций, рассматривавших сходные элементы в балтийском и славянском фольклоре только в узкогенетическом плане (включая сюда определение направления заимствования), во-вторых.

Первое из указанных препятствий практически можно считать устраненным в результате обширной работы по изучению и изданию

¹ См. А. А. Потебня, *Объяснение малорусских и сродных народных песен*, Варшава, 1887, II, стр. 41—44, 65—67; его же, *О мифическом значении некоторых обрядов и поверий*, М., 1865, стр. 21 и след.; А. Н. Веселовский, *Разыскания в области русского духовного стиха*, Сб. ОРЯС, т. 32, 1883, стр. 110 и след.; Э. Вольтер, *Материалы для этнографии латышского племени Витебской губернии*, ч. I, Праздники и семейные песни латышей, СПб., 1890, стр. 19 и след.; П. В. Владимиров, *Введение в историю русской словесности*, Киев, 1896, стр. 83—84; ср. также некоторые замечания по этому поводу в статье: B. Sruoga, *Lithuanian Folk Songs (Dainos)*, „Folk-Lore“, Vol. 43, Nr. 3, 1932, стр. 301—324 и др.

латышских и литовских фольклорных текстов². Другое препятствие будет со временем становиться все менее серьезным в связи с утверждением структурных методов в фольклористике и распространением их на изучение взаимных отношений между двумя (или несколькими) фольклорными системами³. Устранение этого препятствия не только сделает возможным объективное сравнение соответствующих балтийских и славянских фольклорных текстов, но и — при правильном подходе — позволит подойти к решению генетических задач, предполагающему, в частности, разграничение типологического и генетического сходства элементарных фольклорных единиц и их конфигураций.

Если говорить о перспективах сравнительного изучения балтийского и славянского фольклора, то они прежде всего определяются двумя особенностями — значительной близостью балтийских и славянских языков, что представляется чрезвычайно существенным фактом ввиду ориентированности многих фольклорных жанров на языковую форму как нечто самодовлеющее; и параллельностью (во всяком случае во многих отношениях) развития целого ряда форм в балтийском и славянском фольклоре, что создает весьма выгодные условия для реконструкции утраченных форм в одной фольклорной традиции по совокуп-

² Достаточно указать такие издания, как K. Barons un H. Wissendorfs. *Latvju dainas*, I—VI, Jelgavā un Petrogradā, 1894—1915; P. Smits, *Tautas dziesmas (papildinājums Kr. Barona „Latvju dainām“)*, I—IV, Rīgā, 1936—1939; L. Bērziņš. *Latvju dainas*, I—VI, Rīgā, 1928—1932; J. Endzelīns un R. Kļastiņš. *Latvju tautas dainas*, I—XII, Rīgā, 1928—1932; *Latviešu tautas dziesmas*, I—XI, Kopenhagen, 1952 (Red. A. Svābe, K. Straubergs, E. Hauzenberga-Sturma); *Latviešu folkloras krātuves materiāli*, I—X, Rīgā, P. Smits, *Latviešu tautas pasakas un teikas*, I—XV, Rīgā, 1925—1937; *Latviešu tautas pasakas*, Rīgā, 1956; *Latviešu pasakas*, I—IV, Rīgā, 1946—1950; *Tautosakos darbai* I—VII, Kaunas, 1935—1940; J. Balys, *Lietuvių liaudies sakmės*, I, Kaunas, 1940; не говоря о ряде изданий и переизданий старых текстов (Реза, Станявичюс, Славочинский, *Smulkioji lietuvių tautosaka XVII—XVIII amžiuje*, Даукантас, братья Юшкевичи) и об изданиях избранных фольклорных текстов вроде J. Basanavičius, *Rinktinės pasakos*, Kaunas, 1948; *Lietuvių tautosakos rinktinė*, Vilnius, 1954; *Lietuvių liaudies dainos*, Vilnius, 1955; B. Sruoga, *Lietuvių dainų rinktinė*, Kaunas, 1949; J. Balys, *Simtas liaudies baladžių*, Kaunas, 1941; *Patarlės ir priežodžiai*, Vilnius, 1958. Из исследований в области балтийского фольклора прежде всего достойны внимания труды К. Страуберга, П. Шмита, Я. Ниедре, Л. Берзиньша, А. Медне, А. Берзкалне, Б. Сруоги, И. Балиса (ср. *Lietuvių tautosakos skaitymai*, I—II. Tübingen, 1948 и др.).

³ Суть структурного метода в применении к фольклору сводится к описанию текста через ограниченный набор исходных дифференциальных единиц, характеризующих этот текст, указание синтаксических (в широком семиотическом смысле слова) связей этих единиц, установление правил соотношения формальных структур с содержательными. Очевидно, что при таком подходе структура данного класса текстов может быть описана как результат более или менее простого порождающего процесса. Другое удобное представление фольклорного текста достигается составлением матриц, которые в простейших случаях одномерны, а в более сложных (сказка, эпос и т. п.) — многомерны (с чем, в частности, связана обратимость времени в этих жанрах, различие чистой формы и ее конкретной реализации и т. д.) и представляют собой модель структуры, заданной группой трансформаций малого числа исходных элементов. Попытка применения структурных методов к анализу литовских народных баллад содержится в одной из наших статей, которая в скором времени будет напечатана.

ности черт, сохранившихся в другой традиции (при этом, естественно, исследователь обращается к более мощному методу анализа, чем генетический — к типологическому).

Можно думать, что оживление интереса к изучению балто-славянских фольклорных связей (ср. работы П. Арумаа, В. Руке-Дравини)⁴ отмечает лишь начало серии исследований в этой многообещающей области.

Остановимся лишь на одном примере, который, однако, с очевидностью свидетельствует о перспективах сравнительного изучения балтийского и славянского фольклора.

(I). Atskrido gandrais su dideliu gurkliu.

— Gandra, gandra, kas tavo gurkly?

— Kunigo pinigai.

— Kam tie pinigai?

— Dalgiui pirkti.

— Kam tas dalgis?

— Šieneliui piauti.

— Kam tas šienelis?

— Karvėms ēsti.

— Kam tos karvės?

— Pieneliui melžti.

— Kam tas pienelis?

— Piemenėliams gerti.

— Kam tie piemenėliai?

— Kiaulėms ganyti.

— Kam tos kiaulės?

— Šlaitams knisti.

— Kam tie šlaitai?

— Kviečiams sėti.

— Kam tie kviečiai?

— Riestainiams kepti.

— Kam tie riestainiai?

— Boboms valgyt.

— Kam tos bobos?

— Parakui trinti.

— Kam tas parakas?

— Kiškiams šaudyt.

⁴ См. P. A r u m a a, Zur Poetik der litauischen und ostslavischen Volksdichtung, „Festschrift für Dmytro Čyzev's'kyj“, Berlin, 1954, стр. 51—58; V. R ū k e - D r a v i n a. Über einige altertümliche Konstruktionen in der slavischen und baltischen Volksdichtung, „Scando-Slavica“, VII, 1961, стр. 114—126; некоторые ценные замечания о сходстве метрических структур сделаны Р. О. Якобсоном, см. R. J a k o b s o n, Studies in Comparative Slavic Metrics, „Oxford Slavonic Papers“, vol. 3, 1952, стр. 65 и след. Обстоятельное исследование языка латышских народных песен (позволяющее наметить еще ряд общих балто-славянских языковых особенностей в языке фольклорных текстов; впрочем, автор их не отмечает) дал А. Озолс, см. A. O z o l s, Latviešu tautasdziesmu valoda, Rīgā, 1961.

У П. Цвирки в „Nemuno šalies pasakos“ включена любопытная в формальном отношении сказка под названием „Klausimai“:

- Kam tie kiškiai?
- Ponams valgyt.
- Kam tie ponai?
- Ant tvoros pakarti.⁵

Эта сказка известна в несколько иных вариантах из диалектных записей, сделанных в разных частях литовской территории. Учитывая расхождение с приведенным текстом и важность фольклорно-географических данных, приведем еще некоторые варианты этой сказки.

(II). Kam tie ponai?⁶

Ateina garnys su dideliu gūželiu.

- Kam tas gūželis? — Pinigams dėti.
- Kam tie pinigai? — Pievoms pirkti.
- Kam tos pievos? — Karvėms ganyti.
- Kam tos karvės? — Pienui duoti.
- Kam tas pienas? — Sūriams slėgti.
- Kam tie sūriai? — Piemenims graužti.
- Kam tie piemens? — Kiaulėms ganyti.
- Kam tos kiaulės? — Knisykloms knisti.
- Kam tos knisyklos? — Zuikiams gulėti.
- Kam tie zuikiai? — Ponams šaudyti.
- Kam tie ponai? — Byloms kelti.
- Kam tos bylos? — Šuniui ant uodegos užrašyti.

(III). Klausimai.⁷

Atlėkė avalys su dzideliu gurkliu. „Avaly, avaly, kas tavo gurklin?“ — „Kunigo pinigai“. — „Kam ciej pinigai?“ — „Dalgelai pirkcie“. — „Kam tos dalgelės?“ — „Šieneliui pjaucie“. — „Kam tas šienelis?“ — „Karvelėm ėscie“. — „Kam tos karvelės?“ — „Pieneliui laidzyc“. — „Kam tas pienelis?“ — „Piemenėliams valgyc“. — „Kam cie piemenėliai?“ — „Kiaulėm ganycie“. — „Kam tos kiaulės?“ — „Šlaitam kniscie“. — „Kam ciej šlaitai?“ — „Kviečiam sėcie“. — „Kam ciej kviečiai?“ — „Baronkom kepc“. — „Kam tos baronkos?“ — „Bobom valgyc“. — „Kam tos bobos?“ — „Parakam trinc“. — „Kam tas parakas?“ — „Kiškiam šaudzyc“. — „Kam ciej kiškiai?“ — „Ponam valgyc“. — „Kam ciej ponai?“ — „Ant gelažinio kruko pakarc“.

(IV). Klausimai.⁸

„Pinu, pinu pyni“. — „Kam ta pynė?“ — „Pinigam pilcie“. — „Kam cie pinigai?“ — „Karvėm pirkcie“. — „Kam tas karvės?“ — „Pienui lei-

⁵ См. Р. Цвирка, Raštai, V, Vilnius, 1949, стр. 97—98.

⁶ Из литовских фольклорных рукописей, хранящихся в Институте языка и литературы в Вильнюсе. Записано в Науяместисе (Naujamiestis), западнее Паневежиса в 1905 г. См. Lietuvių tautosakos rinktinė, Vilnius, 1954, стр. 396.

⁷ Из записей, сделанных в районе Кабяляй (Musteikos, Kabeliai) см. Tautosakos darbai, IV, Vilniaus krašto lietuvių tautosaka, Kaunas, 1938, стр. 274 (LTA 794/30/).

⁸ Из записей, сделанных в районе Мелагенай (Miečionys, Melagėnai), „Tautosakos darbai“, IV, стр. 274 (LTA 948/62/).

dzyc". — „Kam tas pienas?" — „Sūriam dēcie". — „Kam cie sūriai?" — „Piemeneliam grauščie". — „Kam cie piemenėlei?" — „Kiaulelēm ganycie". — „Kam tas kiaulelės?" — „Kalnam kniscie". — „Kas tuos kalnuos?" — „Geležinė piesta". — „Kas taj piestaj?" — „Cininis bliūdelis". — „Kas tam bliūdely?" — „Sidabrinis šaukštelis". — „Kas tam šaukštely?" — „Aguonas grūdelis" — „Kur tas aguonas grūdelis?" — „Gaidelis sulasė". — „Kur tas gaidelis?" — „Až marelį nuskrida". — „Kur tas marelės?" — „Žalineliais ažauga". — „Kur cie žalynelei?" — „Panaitėlės nuraškė". — „Kur tas panaitėlės?" — „Až mužikų nutekė". — „Kur cie mužikai?" — „Patvarėliuos ciuciują, šuneliai žundelius bučiuoja".

Приведенные литовские варианты сказки представляют собой тексты шуточного характера, в которых эффект достигается благодаря известному несоответствию между строгой логичностью автоматически действующей композиционной структуры, прочно скрепляющей весь текст, и неожиданностью семантических ассоциаций, следующих одна за другой в композиционной цепи. Во многих случаях связь между двумя соседними частями, безупречная в плане композиционном, на семантическом и логическом уровнях оказывается не более естественной, чем в известной поговорке *в огороде бузина, а в Киеве дядька*, в различных видах народной комикки типа *соq-à-l'âne* в старой французской литературе⁹ и т. п. жанрах, ср. „Kam tos kiaulės?" — „Šlaitams knisti" «Зачем эти свиньи?» — «Рыть откосы»; „Kam tos bobos?" — „Parakui trinti" «Зачем эти бабы?» — «Порох тереть»; „Kam tie ropai?" — „Ant tvoros pakarti" «Зачем эти господа?» — «На заборе повесить» и т. д.

Особенности морфологической структуры этой сказки определяются последовательностью одинаковых конструкций, представляющих собой своего рода синтаксический идиоматизм: $kam + Nom_1 \rightarrow Dat_2 + Inf^I \rightarrow kam + Nom_2 \rightarrow Dat_3 + Inf^{II} \rightarrow kam + Nom_3 \rightarrow Dat_4 + Inf^{III} \dots$ (Kam tie pinigai? — Dalgiui pirkti. — Kam tas dalgis? — Šieneliui piauči. — Kam tas šienelis? — Karvėms ēsti...).

Естественно, что при таком построении, когда ответ на предыдущий вопрос с неизбежностью влечет за собой новый вопрос, связь которого со следующим ответом более или менее произвольна, достаточно иметь лишь алфавит названий предметов и общую схему порождения¹⁰, чтобы продлить сказку за счет новых звеньев сколько угодно значительно, а в принципе — до бесконечности.

⁹ Ср. „Sottie des Menus propos", где логическая бессмысленность произносимых фраз объясняется тем, что они составляют беседу трех дураков, или же „Epître du Soq-à-l'âne, dédiée à Lyon Jamet" (1535) Клемана Маро, где отсутствие закономерных связей между фразами находит некоторое оправдание в содержании (хаос парижских новостей), или же, наконец, речи Безкюля, Гюмвена и др. в «Гаргантюа и Пантагрюэле», где, по мнению М. Бахтина, наблюдается «как бы рекреация слов и вещей», освобождение их «из тисков смысла, логики, словесной иерархии».

¹⁰ При этом, однако, следует помнить, что хотя общий порядок включения в цепь единиц алфавита остается неизменным, между двумя последовательно идущими единицами могут вставляться новые единицы. Ср. IV: pinigai — karvės, но I: pini-gai — dalgis — šienelis — karvės или же: I: pienelis — piemenėliai, но IV: pienas — sūriai — piemenėlei.

В этом смысле сказку указанного типа можно рассматривать как результат креолизации двух самостоятельных сказочных типов, один из которых характеризуется вопросом-ответной формой, а другой — возможностью бесконечного продолжения (в данном случае — нециклического). Иначе говоря, оригинальность рассматриваемой литовской сказки возникает из синтеза схемы сказок типа 2018 по классификации Аарне в форме, предложенной Томпсоном¹¹, и схемы сказок типа 2030 и 2300. Первая схема, кроме описываемой сказки, реализуется в литовском фольклоре еще в целом ряде сказок типа: „Kur tas grūdas?“ — „Gaidys pagavo“. — „Kur tas gaidys?“ — „Mariose nuskendo“. — „Kur tos marios?“ — „Nendrēm užaugo“... или: „Kur tu buvai?“ — „Svečius lydėjau“. — „O kur tavo vaikiai buvo?“ — „Paskui mane sekė“. — „Ko nemušei?“ — „Mušiau, mušiau, po akmeniui palindo“... и т. п. (ср. LTA 10 b (263), 102(82), 544(257), 612(290), 687(20); LMD I 627(76) и др.¹²). Вторая схема содержится в еще более обширном круге литовских сказок (так называемые *pasakos be galo* или *nuobodinio pasakos*¹³, не говоря уж о других фольклорных традициях¹⁴ и о редуцированных вариантах этой схемы (один из примеров такого рода будет рассмотрен ниже)¹⁵.

Тем не менее, расслоение морфологической структуры сказки типа „Klausimai“ на две подструктуры не решает вопроса о ее первоначальном ядре и о соотносительности его с миром реалий (если не в настоящее время, то хотя бы в прошлом).

Предварительным условием ответа на этот вопрос следует считать сопоставление вариантов данной сказки и внутреннюю реконструкцию общей части, объединяющей приведенные выше варианты. Изложим некоторые результаты сравнительного анализа вариантов, сразу же заметив, что вариант I, по сути дела, представляет собой литературную обработку варианта III, при которой практически полностью сохраняется набор названий предметов и их последовательность в тексте (поэтому в дальнейшем, по мере надобности, речь будет идти о варианте I/III)¹⁶.

¹¹ См. A. Aarne, The Types of the Folk-Tale. A. Classification and Bibliography, „Folklore Fellows Communications“, Vol. 25, Nr. 74, Helsinki, 1928 (translated and enlarged by S. Thompson).

¹² См. J. Balys, Lietuvių pasakojamosios tautosakos motyvų katalogas, „Tautosakos darbai“, II, Kaunas, 1936, стр. 167—168.

¹³ Там же, II, стр. 170.

¹⁴ См. A. Aarne, Указ. соч. (2300); J. Bolte und G. Polivka, Anmerkungen zu den Kinder- und Hausmärchen der Brüder Grimm, Bd. II, 1915, стр. 209.

¹⁵ Ср. литовские сказки с заключительной формулой типа: *eina velnias žydą smaugt, eina žydas jautį pjaut, eina jautis vandens gert, eina vanduo ugnies liet..., eina ožkelė iš lazdyno* (Thompson 2030).

¹⁶ Различия между I и III ничтожны и чаще всего касаются выбора слов для одного и того же понятия, ср. *atskrido* — *at'ėkė*, *gandras* — *avalys*, *melžti* — *laidzyc*, *gerti* — *valgyc*, *riestainiai* — *baronkos*, *ant tvoros* — *ant gėlažinio kruko*.

1. *Atskrido gandra su didelė-
liu gurkliu*
Gandre, gandre, kas tavo
gurkly?¹⁸

Kunigo pinigai

2.
3.
4. *Kam tie pinigai?*
5. *Dalgiui pirkti*
6. *Kam tas dalgis?*
 Šieneliui piauti
 Kam tas šienelis?
7. *Karvėms esti*
8. *Kam tos karvės?*
9. *Pieneliui melžti*
10. *Kam tas pienelis?*
11.
12.
13. *Piemenėliams gerti*
14. *Kam tie piemenėliai?*
15. *Kiaulėms ganyti*
16. *Kam tos kiaulės?*
17. *Šlaitams knisti.*
18. *Kam tie šlaitai?*
 Kviečiams sėti
 Kam tie kviečiai?
 Riestainiams kepti
 Kam tie riestainiai?
 Boboms valgyt
 Kam tos bobos?
 Parakui trinti
 Kam tas parakas?
19. *Kiškiams šaudyti*¹⁹
20. *Kam tie kiškiai?*

*Ateina garnys su dideliu
gūželiu*

Kam tas gūželis?
Pinigams dėti
Kam tie pinigai?
Pievoms pirkti
Kam tos pievos?

Karvėms ganyti
Kam tos karvės?
Pienui duoti
Kam ias pienas?
Sūriams slėgti
Kam tie sūriai?
Piemenims graužti
Kam tie piemens?
Kiaulėms ganyti
Kam tos kiaulės?
Knisykloms knisti
Kam tos knisyklos?

Zuikiams gulėti
Kam tie zuikiai?

¹⁷ Текст дается в форме варианта I. Семантически сходные (до известной степени), но формально различные части сопоставляемых текстов выделяются курсивом; части, обнаруживающие полное сходство (не считая словообразовательных и некоторых иных деталей) выделяются курсивом вразрядку. Относительно нумерации см. ниже.

¹⁸ Kas tavo gurkly? (I) и Kam tas gūželis (II) — разные способы перехода к ядру повествования. Наличие общей части (вопросительное местоимение и название зоба) делает возможным поиск исходного (для I/III и II вариантов) сочетания.

¹⁹ Обращает на себя внимание разное место, занимаемое šaudyti в I/III и во II и различное распределение этого микромотива (kiškiam šaudyti I/III, но ropams šaudyti II).

21. *Ponams valgyt*
22. *Kam tie ponai?*
23. *Ant tvoros pakarti*

- Ponams šaudyti*¹⁹
- Kam tie ponai?*
- Byloms kelti*
- Kam tos bylos?*
- Šuniui ant uodegos užrašyti*

Таким образом, общая для вариантов I/III и II часть может быть представлена в следующем виде:

Семантическая запись

- Прилетел аист с большим зобом.

 Зачем эти деньги?
 купить.
 Зачем эт- ?

 Чтобы коров кормить.
 Зачем эти коровы?
 Чтобы молоко доить (давать).
 Зачем это молоко?

 Чтобы пастухов поить.
 Зачем эти пастухи?
 Чтобы свиней пасти.
 Зачем эти свиньи?
 Чтобы откос (ямы) рыть.
 Зачем эти откосы (ямы)?

 Чтобы зайц.²⁰
 Зачем эти зайцы?
 Чтобы господ.²¹
 Зачем эти господа?
 Чтобы.

Фономорфологическая запись

- su dideliu

 Kam tie pinigai?
 pirkti.
 Kam t- ?

 Karvēms
 Kam tos karvēs?

²⁰ I: чтобы зайцев стрелять, но II: чтобы зайцы лежали.

²¹ I: чтобы господа ели, но II: чтобы господ стрелять.

Pien(eliui)ui

Kam tas pien(elis)as?

.....

Piemen(éliams)ims

Kam tie piemen(éliai)s?

Kiaulēms ganyti.

Kam tos kiaulēs?

..... knisti.

Kam t-?

.....

Kam tie?

Ponams

Kam tie ponai?

.....

I/III

IV

1. Atskrido gandas su dideliu

gurkliu

Gandre, gandre, kas tavo

gurkly?

Kunigo pinigai

2.

3.

4. *Kam tie pinigai?*

5. Dalgiui pirkti

6. Kam tas dalgis?

Šieneliui piauti

Kam tas šienelis?

7. Karvēms ēsti

8. *Kam tos karvēs?*

9. *Pieneliui melžti*

10. *Kam tās pienelis?*

11.

12.

13. *Piemenēliams gerti*

14. *Kam tie piemenēliai?*

15. *Kiaulēms ganyti*

16. *Kam tos kiaulēs?*

17. *Šlaitams knisti*

18. *Kam tie šlaitai?*

и т. д.²³

Pinu, pinu pynī

Kam ta pynē?²²

Pinigam pilcie

Kam cie pinigai?

Karvēm pirkie

Kam tas karvēs?

Pienui leidzyc

Kam tas pienas?

Sūriam dēcie

Kam cie sūriai?

Piemeneliam graušcie

Kam cie piemenetei?

Kiaulelēm ganycie

Kam tas kiaulelēs?

Kalnam kniscie

Kas tuos kalnuos?

и т. д.²³

²² Переход к ядру осуществляется с помощью увеличения степени звуковой организации части текста, предшествующей ядру, в направлении, определяемом первым полнозначным элементом ядра — pinigai, ср. pinu, pinu pynī, (kam ta pynē) pinigam pilcie (kam cie) pinigai?

²³ Дальнейшие части слишком различны (позднее происхождение окончания в варианте IV не вызывает сомнения, ср. kam... kas... kur). Поэтому их сопоставление оказывается бессмысленным с точки зрения возможностей реконструкции.

Общая для вариантов I/III и IV часть может быть представлена в следующем виде:

Семантическая запись

.....
 Зачем эти деньги?
 купить.

 Зачем эти коровы?
 Чтобы молоко доить.
 Зачем это молоко?

 Чтобы пастухов поить (пастухам грызть).
 Зачем эти пастухи?
 Чтобы свиней пасти.
 Зачем эти свиньи?
 Чтобы откос (холм) рыть.
 (Зрчем/что) (на) эт- (откосы/холмах)?

Фономорфологическая запись

.....
 Kam tie pinigai?
 pirkti.

 Kam tos karvès?
 Pien(eliui)ui
 Kam tas pien(elis)as?

 Piemenēliams
 Kam tie piemenēliai?
 Kiau(le)lēms ganyti.
 Kam tos kiau(le)lēs?
 knisti.
 Ka- t-?

II

1. Ateina garnys su dideliu gūželiu
2. *Kam tas gūželis?*
3. *Pinigams dēti*
4. *Kam tie pinigai?*
5. *Pievoms pirkti*
6. *Kam tos pievos?*
7. *Karvēms ganyti*
8. *Kam tos karvès?*

IV

Pinu, pinu pyni
Kam ta pynē?
Pinigam pilcie
Kam cie pinigai?
*Karvēm pirkcie*²⁴

Kam tas karvès?

²⁴ Karvēm pirkcie (IV) может быть соотнесено не только с pievoms pirkti (II), но и с karvēms ganyti (II).

9. *Pienui duoti*
10. *Kam tas pienas?*
11. *Sūriams slėgti*
12. *Kam tie sūriai?*
13. *Piemenims graužti*
14. *Kam tie piemens?*
15. *Kiaulėms ganyti*
16. *Kam tos kiaulės?*
17. *Knisykloms knisti*
18. *Kam tos knisyklos?*

и т. д.²⁵

- Pienui leidzyc*
- Kam tas pienas?*
- Sūriam dēcie*
- Kam cie sūriai?*
- Piemeneliam grauščie*
- Kam cie piemenelėi?*
- Kiaulelėm ganycie*
- Kam tas kiaulelės?*
- Kalnam kniscie*
- Kas tuos kalnuos?*

и т. д.²⁵

Общая для вариантов II и IV часть может быть представлена в следующем виде:

Семантическая запись

Зачем эт- ?

Чтобы деньги положить (насыпать).

Зачем эти деньги?

. купить.

Зачем эти коровы?

Чтобы молоко дать.

Зачем это молоко?

Чтобы сыры сделать.

Зачем эти сыры?

Чтобы пастухам грызть.

Зачем эти пастухи?

Чтобы свиней пасти.

Зачем эти свиньи?

Чтобы ямы (холм) рыть.

(зачем/что) (на) эт- (ямы/холмах)?

Чтобы ямы (холм) рыть.

(зачем/что) (на) эт- (ямы/холмах)?

Фономорфологическая запись

.....
Kam ta-?

Pinigams

Kam tie pinigai?

..... pirkti

.....

Kam tos karvės?

Pienui

Kam tas pienas?

Sūriams

²⁵ Далее варианты II и IV резко расходятся и не дают оснований для каких-либо позитивных выводов.

Проведенное попарное сопоставление вариантов²⁶ позволяет представить их взаимное отношение и общую им всем часть в виде следующей синоптической таблицы.

Примечание: В таблице учтены лишь те единицы текста, которые встречаются на соответствующих местах хотя бы в двух вариантах. Нумерация единиц семантической записи отражает наиболее полную схему текста (исключается то, что отмечено лишь в одном варианте) и является фиксированной. Знак + обозначает наличие соответствующей единицы семантической записи в указанных вариантах.

160

Из таблицы видно, что все варианты²⁷ сказки реализуют общую схему следующим образом:

Зачем эти деньги?

..... .купить.

Зачем эти коровы?

Чтобы молоко доить (дать).

Зачем это молоко?

.....
Чтобы пастухов поить (пастухам грызть):

Зачем эти пастухи?

Чтобы свиной пасти.

Зачем эти свиньи?

Чтобы откос (ямы, холм) рыть.

(Зачем/что) (на) эт- (ямы/откосы/холмах)?

Варианты I/III и II, кроме того, согласуются на семантическом уровне еще в восьми случаях (1, 6, 7, 19, 20, 21, 22, 23). Варианты II и IV, помимо отмеченного, согласуются на семантическом уровне еще в четырех случаях (2, 3, 11, 12). Варианты I/III и IV не имеют общих единиц семантического уровня, кроме тех, которые есть и в варианте II и, следовательно, являются общими для всех вариантов.

Реализуемая всеми вариантами сказки общая схема на фономорфологическом уровне может быть представлена в следующем виде:

.....

4. Kam tie pinigai?

5. pirkti.

6. Kam t-?

8. Kam tos karvės?

9. Pien(eliui)ui

10. Kam tas pien(elis)as?

.....
13. Piemen(ėliams)ims

14. Kam tie piemen(ėliai)s?

15. Kiau(le)lėms ganyti.

16. Kam tos kiau(le)lės?

17. knisti.

18. Ka- t-?

Варианты I/III и II, кроме того, согласуются на фономорфологическом уровне еще в нескольких случаях (1. at- ... su dideliu...; 19. ... -ams ... -ti; 20. kam tie ... -ai; 21. ponams ... -ti; 22. kam tie ponai;

²⁷ Исключая явно дегенерированные, ср., например, текст из Лазун: — Doū, doū, doū — kur aisi? — Dalgaitį kált, šienáitį šienáut. — O kŭ tũ šienáičiu ituoį dzýrpsi? — Karváltį penėsiu, vaikeliu gýrdzysiu ir ugdysiu, kad ānys aukťũ ir kad manįs senōs dazdairýt. J. Senkus, Lazūnų tarmės tekstai, LKK, II, 1959, стр. 222.

23. ant ... -os ... -ti). Варианты II и IV, помимо отмеченного, согласуются на фономорфологическом уровне в ряде других единиц текста (2. kam ta-...; 3. pinigams ... -ti; 11. sūriams ... -ti; 12. kam tie sūriai; 13. graužti). Варианты I/III и IV, естественно, не имеют общих единиц фономорфологического уровня, кроме тех, которые содержатся во всех вариантах сказки.

Сопоставление разных вариантов сказки „Klausimai“, если к нему подойти с целью историко-культурной интерпретации, разумеется не имеет ничего общего с реконструкцией. То же можно сказать о выделении ядра сказки на семантическом и фономорфологическом уровнях и даже дальнейшем его сужении (например, за счет исключения 4 и 5: kam tie pinigai? ... pirkti, сомнительных при условии отнесения сказки к достаточно древним временам). В лучшем случае все, что можно сделать с текстом в дальнейшем, сводится к простой экстраполяции. В результате ее в руках исследователя оказывается некий текст, внутренняя цельность и непротиворечивость которого кажутся (по крайней мере, на этом этапе исследования) несомненными и исключающими всякую возможность внутренней реконструкции. И, тем не менее, возникает сомнение в том, что данный текст или предшествующий и генетически связанный с ним текст могут быть интерпретированы с исторической точки зрения в плане комического сцепления неожиданностей (на семантическом уровне) и ожидаемого (на формально-языковом уровне), как это интерпретируется с синхронической точки зрения применительно к настоящему времени. К сожалению, ситуации такого рода весьма часты в фольклористике. Едва ли существует универсальное средство для их решения. Однако известный класс задач может быть решен при расширении материала (в пределах той же или генетически, соответственно — типологически связанной с ней традиции). Прежде всего речь идет о случаях, когда из ряда возможных интерпретаций данного текста одна оказывается обязательной в силу того, что она и только она объясняет самую структуру текста, а в ряде примеров — и ситуацию, определяющую эту структуру.

Можно считать оправданной мысль о том, что в рассматриваемом случае у нас есть основания для дальнейшей реконструкции текста, точнее — для определения его места (применительно к более древней эпохе) внутри фольклорной традиции и его связей с внефольклорными реалиями.

Расширение материала, который мог бы помочь историческому толкованию „Klausimai“ внутри литовской фольклорной традиции едва ли позволит рассчитывать на успех. Практически речь идет о перечислении ряда форм народной словесности, которые с достоверностью свидетельствуют о существовании (обычно порознь) в литовском фольклоре некоторых структурных элементов, синтезированных в „Klausimai“, и о приблизительной степени укорененности их в совокупности структурных приемов литовского фольклора и отчасти языка. Сюда относятся случаи, когда последовательно выступающее вопросительное

местоимение (в частности, *kam*)²⁸ скрепляет текст или предопределяет его продолжение, ср., например:

Kam paėmei mano tėvą,
Kam paėmei mano tėvą?
Mano tėvą ir motulę,
Mano tėvą ir motulę?
Kad paėmei mano tėvus,
Kad paėmei mano tėvus,
Imk ir mane našlaitėlę,
*Imk ir mane našlaitėlę ...*²⁹

или:

Kam šerei žirgelį
Kam šveitei kardelį
Kur josi, broleli,
*Baltas dobilėlis? ...*³⁰

или:

Kam tu padarei
Girtą alutį ...?
Kam tu nugirdei
*Mano tėvutį ...?*³¹

или

Kam taip glaudiesi, mano mergyte?
*Kam gymoji, mano jaunoji? ...*³²

Примеров подобного рода много и в латышской фольклорной традиции, между прочим, и в текстах, приуроченных к определенным обрядам:

Juņiedz pāra jumal'en'
Pa teirum' dzanōdams:
Kam nawira bīzes putres,
*Kam nacāpe plōceņeišu!*³³ и др.

Другим структурным типом, смежным с представленным в „*Klausimai*“, является последовательность вопросов и ответов. Не останавливаясь на нем подробнее, можно только отметить некоторые типы, общие для балтийского и славянского фольклора. Ср.: *Kāpēc tu gau-di? ... Kā lai neraudu...*³⁴; *Ko tu verki, kūmute? — Kā aš neverksiu...*³⁵ или *Kur tu eini, Vabale, verkdamas? — Kā aš neverksiu? Gimē sūnus,*

²⁸ Тот же прием (с помощью *чаму*) широко используется в белорусских песнях.

²⁹ Lietuvių liaudies dainos, Vilnius, 1955, стр. 138.

³⁰ Там же, стр. 453.

³¹ Lietuvių tautosakos rinktinė, Vilnius, 1954, стр. 152.

³² L. Rēza, Lietuvių liaudies dainos, Vilnius, 1958, стр. 297.

³³ Э. А. Вольтер, Материалы для этнографии латышского племени Витебской губернии, СПб., 1890, стр. 87.

³⁴ J. Nīdre, Latviešu pasakas, III, стр. 60.

³⁵ J. Basanavičius, Rinktinės pasakos, 1948, стр. 284.

negaunu kūmų, o neturiu nė ką pavalgyti. — Neverk, aš tau būsiu kūma...³⁶ и т. д. в соответствии с подобными оборотами в русских сказках вроде: Что же ты плачешь, кумушка? Как же мне не плакать... Не плачь, я буду тебе кумой... и т. п.³⁷

Наконец, следует сказать и о цепном типе построения текста, зафиксированном помимо „Klausimai“ в целом ряде фольклорных произведений³⁸ от таких, как известная сутартине (sutartinė) „Aviža prašė“ (Aviža prašė gražiai pasėti..., gražiai priakėti..., gražiai nupiauti..., gražiai surišti..., gražiai statyti..., gražiai parvežti..., gražiai iškulti..., gražiai sumalti..., gražiai iškepti...) ³⁹ до популярной сказки о петухе и курице, образцами которой могут считаться „Vištytė ir gaidžiukas“⁴⁰ и „Gailitis ir vīstija“⁴¹, не говоря уже об отражении этого сюжета в других фольклорных традициях⁴². Особенно характерен вариант сказки из Даулюн, опубликованный Басанавичюсом: „...Gaidžiukai! gaidžiukai! kam tu vištytei akytes išmušei?“ — „E kam man lazdynas kelnytes perplėšė!“ — „Lazdynai! lazdynai! kam gaidžiukui kelnytes perplėšėi?“ — „E kam man' aška pagraužė!“ — „Aška! aška! kam tu lazdynų pagraužėi?“ — „E

³⁶ Там же, стр. 265.

³⁷ Разновидностью этого типа, представленной весьма близкими вариантами в балтийском и славянском фольклоре, можно считать литовскую песню:

Ei žirgeli juodbėrėli,
Ko neėdi žalią žolę,
Ko negeri srovę upėje?

Ką aš ėsiu žalią žolę,
Ką aš gersiu srovę upėje?

(см. сказку „Apie devynis brolius“ в издании Басанавичюса) и соответствующую ей сербскую песню, которая в конечном счете послужила основой (через Мериме) для пушкинского «Что ты ржешь, мой конь ретивый». Подробнее об этой параллели будет сказано в другом месте. Сейчас же хотелось бы только обратить внимание на размер литовской песни: (') — ' — / (') — ' —, совпадающий с размером ряда близких по структуре сербских текстов.

³⁸ Ср. Аарне-Томпсон 2032, 2033, 2200, 2300 и др. Случай, когда вся цепь представлена в заключительной формуле, иллюстрируется сказками типа: «Дом, который построил Джек» (2035). См. Bolte, Polivka, Указ. соч. II, стр. 108.

³⁹ Lietuvių tautosakos rinktinė, стр. 26. Есть и другой вариант: aviža prašė dirvoną iškelti..., gražiai užakėti..., gražiai pasėti..., gražiai nupiauti..., gražiai nuvežti..., gražiai sukrauti..., gražiai iškulti..., žirgelį pašerti... См. Lietuvių liaudies dainos, стр. 131. Характерно, что в этом варианте цепь, отражающая последовательность циклов сельскохозяйственных работ, осложняется новым мотивом (žirgelį pašerti), связывающим текст с „Klausimai“ (karvėms ėsti).

⁴⁰ См. J. Basanavičius, Lietuviškos pasakos yvairios, d. II, Kaunas, 1928, стр. 323, d. III, стр. 57; Lietuvių pasakos, Vilnius, 1905, стр. 6 (= C. Cappeller, Litauische Märchen und Geschichten, Berlin, 1924, стр. 2); Lietuvių tautosakos rinktinė, стр. 281 и др.; см. также J. Balys, Lietuvių pasakojamosios tautosakos motyvų katalogas, стр. 169—170.

⁴¹ См. P. Šmits, Latviešu tautas pasakas. I, Rīgā, 1925, стр. 320 (= Latviešu tautas pasakas, Rīgā, 1956, стр. 92—93); ср. также А. Medne, Latviešu dzīvnieku pasakas, Rīgā, 1940, стр. 73—74.

⁴² См. об этом Bolte, Polivka, Указ. соч., II, стр. 80.

kal' manījs piemuo neganē!?“ — „Piemeni! piemeni! kal' tu aškas nega-nei!?“ — „E kal' man gaspadynē bundeles nepakepē!“ — „Gaspadyne! gaspadyne! kal-gi tu piemeniui bundeles nepakepei?“ — „Kad kiaulē taš-lų suvedei?“ — „E kam man paršelj vilkas nunešē!“ — „Vilkai! vilkai! e kam-gi tu kiaulēs paršelj nunešei?“...⁴³. Ядро этой сказки определяется последовательностью конструкций типа⁴⁴:

[Voc₁ + kam + Vb (+ Dat) → kam + Nom₂ + Vb (+ Dat_{pn})] →
 [Voc₂ + kam + Vb (+ Dat₁) → kam + Nom₃ + Vb (+ Dat_{pn})] →
 [Voc₃ + kam + Vb (+ Gen₂) → kam + Nom₄ + Vb (+ Gen_{pn})] →
 [Voc₄ + kam + Vb (+ Gen₃) → kam + Nom₅ + Vb (+ Dat_{pn})] →

..., которая при замене Voc на Nom⁴⁵ образует трансформационный вариант типа:

[kam + Nom₁ + Vb (+ Dat') → Nom₂ + Vb (Dat₁)] →
 [kam + Nom₂ + Vb (+ Dat₁) → Nom₃ + Vb (+ Gen₂)] →
 [kam + Nom₃ + Vb (Gen₂) → Nom₄ + Vb (+ Gen₃)] →
 [kam + Nom₄ + Vb (Gen₃) → Nom₅ + Vb (+ Gen₄)] →

..., т. е. *Kam gaidžiukas vištytei akytes išmušei? (tam) gaidžiukai lazdynas kelnytes perplėšė. Kam gaidžiukui lazdynas kelnytes perplėšė? (tam) lazdynų ožka pagraužė. Kam lazdynų ožka pagraužė? (tam) ožkos piemuo neganė. Kam ožkos piemuo neganė? (tam) piemeniui gaspadyne bandeles nepakepė...

Этот трансформ оказывается весьма близким к схеме „Klausimai“ как в структурном⁴⁶, так отчасти и в содержательном (ср. мотивы, связанные с пастухом, печением, свиньей) плане. При этом не остается сомнений в том, что разбираемый вариант литовской сказки гораздо древнее латышской версии из собрания П. Шмита, которая является вырожденной формой старого прототипа сказки⁴⁷.

Чрезвычайно интересно сравнение балтийской сказки о петухе и курице (например, в разобранной литовской версии) с соответствующей русской сказкой, до сих пор игнорировавшееся исследователями. Это сравнение поучительно в ряде отношений. Во-первых, и в балтий-

⁴³ См. J. Basanavičius, II, стр. 323.

⁴⁴ Voc — Vocativus, Vb — Verbum, рп — личное местоимение, 1 — петушок, 2 — орешник, 3 — коза, 4 — пастух, 5 — хозяйка, ' (штрих) — курочка.

⁴⁵ Включая, разумеется, вытекающие из этого изменения.

⁴⁶ См. схему на стр. 5.

⁴⁷ Ср. хотя бы... Kungs prasa: „Ko tad nu ļļauj?“ Tā un tā. „Kā svieda riekstu — iedrāza aci“. „Kas svieda?“ „Gailītis svieda, gailītis!“ „Nu tu debess brīnumi! Kūr viņš palika? Lai nāk uz muižu!“ Gailītis atnāk muižā, kungs pretī: „Ko tu tur svaidies? Kālab izgāzi vīstīņai aci?“ „Es jau negāzu! Uzkāpu lazdā riekstot, lazda uz reizi sakustējās, un tā rieksts aci iekšā“. „Vai tā bija? Nu labi! lai tad nāk lada uz muižu!“ „Lazda atnāk, kungs pretī: „Kāpēc kustējies un ietrieci vīstīņai riekstu aci?“ „Es jau nebūtu kustējies, bet āce, kaimiņa kaza grauza man mizu, ko tad darišu?“ „Nu labi! lai tad nāk kaza uz muižu!“ „Kaza atnāk, kungs pretī: „Saki man, kālab grauži lazda mizu?“ „Vai es būtu graužusi? Bet gans jau neganīja mani nemaz, ko tad darišu?“ „Sauc tad to ganu uz muižu!“ „Atsauc ganu kungs pretī: „Vadzi, saki man, kālab nenoganīji kazu? Lūk, kāda ta lazda izskatās!“ „Arel es jau būtu noganījis arī, bet saimniece piekrāpa: apsolīja rausus dot idz, bet dievs pieņēma, paliku neēdis“...

ской и в восточно-славянской области эта сказка достаточно популярна⁴⁸. Во-вторых, принадлежа к более широкому кругу сказок на эту тему (ср., например, сказку № 80 в собрании Гриммов), балтийские и восточнославянские варианты образуют явное единство и в том виде, как они известны, специфичны именно для этой фольклорной области. В-третьих, анализ некоторых русских вариантов сказки о петухе и курице, прояснив ряд деталей аналогичной балтийской сказки, позволит установить довольно непосредственную связь с литовским текстом „Klausimai“.

В связи с интересующей нас здесь проблемой особое значение имеют некоторые русские и белорусские варианты⁴⁹ (впрочем, последние менее показательны в силу двух обстоятельств: соседства с литовским фольклорным ареалом и явного присутствия балтийских субстратных элементов в этой области).

Вот ядро одного из вариантов русской сказки «Кочет и курица»⁵⁰, предельно близкое во всех отношениях к литовскому тексту из Даулюн (см. стр. 31): ...«Кычаток, кычаток! на що ты курычке вышиб глазок?» — «Мне арешня партки рыздрала». «Арешня, арешня! на що ты кычатку партки рыздрала!» — «Миня козы пыдгладали». «Козы, козы! на що вы арешню пыдгладали?» — «Нас пы(а)стухи ни бирягут». «Пыстухи, пыстухи! що вы коз ни биригётя?» — «Нас хазяйка блинами ни кормит» — «Хазяйка, хазяйка! що ты пыстухов блинами ни кормишь?» — «У меня свинья апар прылила» — «Свинья, свинья! на що ты у хазяйки апар прылила?» — «У меня волк прасёночка унёс». «Волк, волк! на що ты у свинье(и) прасёночка унёс?» — «Я и(е)сть зыхател, мне бог пывилел»...

В принятой записи текст может быть изображён в следующем виде⁵¹:

[Voc₁ + на що + Vb (+ Dat') → Nom₂ + Vb (+ Dat_{pn})] →
 [Voc₂ + на що + Vb (+ Dat₁) → Nom₃ + Vb (+ Dat_{pn})] →
 [Voc₃ + на що + Vb (+ Acc₂) → Nom₄ + Vb (+ Acc_{pn})] →
 [Voc₄ + що + Vb (+ Gen₃) → Nom₅ + Vb (+ Gen_{pn})] →

— ... или в трансформированном варианте:

[на що + Nom₁ + Vb (+ Dat') → Nom₂ + Vb] →
 [на що + Nom₂ + Vb (+ Dat₁) → Nom₃ + Vb (+ Acc₂)] →
 [на що + Nom₃ + Vb (+ Acc₂) → Nom₄ + Vb (+ Gen₃)] →
 [що + Nom₄ + Vb (+ Gen₃) → Nom₅ + Vb (+ Gen₄)] →

⁴⁸ См. Н. П. Андреев, К обзору русских сказочных сюжетов, «Художественный фольклор», вып. II—III, М., 1927, стр. 66—67; по данным Н. П. Андреева, сказка «Петушок подавился» (241 I) представлена в русском фольклоре шестью записями.

⁴⁹ Например, А. Н. Афанасьев, Народные русские сказки, вып. IV, М., 1860, стр. 85 (архангельская запись); Д. Н. Садовников, Сказки и предания Самарского края, СПб., 1884, стр. 170; Е. Р. Романов, Белорусский сборник, том I. Губерния Могилевская, Вып. 3, Сказки, Витебск, 1887, стр. 6 и др.

⁵⁰ См. А. Н. Афанасьев, Указ. собр., вып. II, М., 1859, стр. 1.

⁵¹ Символика та же, что и в записи литовской сказки на стр. 165.

Как видно, тождество этих двух видов записи с соответствующими записями литовской сказки практически абсолютное: некоторые отклонения не являются существенными и объясняются или несколько различным характером глагольного управления в литовском и в русском, или явными дефектами записи (например, $Nom_2 + Vb$ во втором варианте записи русской сказки при $Nom_2 + Vb (+Dat_1)$ в соответствующем варианте записи литовской сказки, подтверждаемом выражением (на *що+*) $Nom_2 + Vb (+Dat_1)$, следующим за дефектным $Nom_2 + Vb$; или же: *що* вместо *на що* в четвертой строке второй записи). Таким образом, речь идет здесь фактически о едином тексте, записанном средствами двух разных (но достаточно близких друг к другу) языков.

В других русских вариантах этой сказки длинная цепь действий, которые были предприняты курицей, чтобы спасти петуха, включает и такие: «... снесла курочка уголье к кузнецам, кузнецы сковали косу; снесла косу к сенокосам, сенокосы накосили сена; снесла сена к корове, корова дала молока; снесла молока к девке...»⁵² или же: «... Дуб, дуб, дай парсюку жулуда!» — «Не, не дам жулуда: сходи к корови, нехай дась мне молока» ... «Корова, корова, дай жулуду молока!» — «Не, не дам молока: сходи к косцу, нехай косец дась мне сена!» — ... «Косец, косец, дай корови сена!» — «Не, не дам сена: сходи к ковалю, нехай мне дась коваль ножик!» ... «Коваль, коваль, дай мне ножик!» — «Сходи туды, дзе дзельюць гроши, прinyaи их мне, тоды дам...»⁵³ и далее в обратном порядке: курочка принесла деньги, кузнец сделал ножик и т. п.

Из рассмотрения вариантов восточнославянской сказки следует возможность реконструкции, по крайней мере, двух фрагментов, сопоставимых с соответствующими частями литовской сказки „Klausimai“:

Литовская схема

Восточнославянская схема

Прилетел аист и принес деньги

I Курица принесла деньги

Зачем эти деньги?

... . косу купить

Кузнец сделал ножик

Зачем эта коса?

Косец накосил сена

Чтобы косить сено

Зачем это сено?

Накормили сеном корову

Чтобы кормить коров

Зачем эти коровы?

Корова дала молоко

Чтобы молоко доить (дать)

Зачем это молоко?

II кормили пастухов

Чтобы пастухов поить

Зачем эти пастухи?

⁵² См. А. Н. Афанасьев, Указ. собр., вып. IV, стр. 85.

⁵³ См. Е. Р. Романов, Указ. собр., стр. 6.

Чтобы свиней⁵⁴ пасти

Чтобы печь булки

Зачем эти булки?

Чтобы бабы ели

Пастухи пасли коз

пекли булки

Хозяйка

Очевидно, что за исключением частных деталей литовская и восточнославянская схемы находятся в отношении трансформов, один из которых является результатом действия оператора вопросительности. Не исключено, что раньше совпадение между вариантами схем было еще большим, поскольку известен и русский вопросительный трансформ сказки (на *що*, см. выше).

Привлечение восточнославянских версий сказки о петухе и курице ценно в том отношении, что они, будучи с несомненностью связаны с „Klausimai“, с одной стороны, и с балтийскими вариантами сказки о петухе и курице, с другой стороны, помогают тем самым установить связь между изолированными в литовской фольклорной традиции „Klausimai“ и сказками типа „Vištytė ir gaidžiukas“ в той же самой традиции.

Однако в русском фольклоре известен текст, который не только воспроизводит общую схему литовских „Klausimai“, но является прямым отображением текста, исходного и для него и для „Klausimai“. Еще важнее то обстоятельство, что ряд особенностей русского текста, соответствующего литовским „Klausimai“, объясняет природу этих произведений народной словесности, связывая их с другим обширным классом текстов и через него с определенным обрядом.

Говоря о русском тексте, решающем проблему литовских „Klausimai“, мы имеем в виду варианты, записанные в Дмитровском районе, к северу от Москвы⁵⁵:

Луга за лугой. Друга за другой.

Огни горят, вары кипят.

На что вары кипят? Косу клепать.

На что косу? Траву косить.

На что траву? Коров кормить.

На что кормить? Молоко доить.

На что молоко? Свиней поить.

На что поить? Горы рыть.

На что горы рыть? Хлеб сеять.

Коровка, коровка, масляна головка.

Она в окошечко глядит, в подворотню шмырк.

(А. Б. Зернова, стр. 16)

⁵⁴ Мотив свиньи есть и в восточнославянской сказке («Парсюк»).

⁵⁵ См. А. Б. Зернова, Материалы по сельскохозяйственной магии в Дмитровском крае, «Советская Этнография», 1932, № 3, стр. 15—52.

Исправив некоторые очевидные дефекты текста (на что кормить?, заменяется на: на что коров?; на что поить? заменяется на: на что свиной и т. п.), получаем возможность говорить о полном соответствии между литовским и русским текстами⁵⁶, тем более удивительном, что эти тексты изолированы, а русский вообще известен в этом виде только из дмитровских записей.

Литовский текст

.....

- Dalgiui pirkti.
- Kam tas dalgis?
- Šieneliui piauti.
- Kam tas šienelis?
- Karvėms ēsti.
- Kam tos karvės?
- Pieneliui melžti.
- Kam tas pienelis?

.....

- Kiaulėms ganyti.
- Kam tos kiaulės?
- Šlaitams⁵⁹ knisti.
- Kam tie šlaitai?
- Kviečiams sėti.

Русский текст

.....

- Косу клепать⁵⁷
- На что косу?
- Траву косить.
- На что траву?
- Коров кормить.
- На что кормить?⁵⁸
- Молоко доить.
- На что молоко?

.....

- Свиной поить.
- На что поить?
- Горы рыть.
- На что горы рыть?
- Хлеб сеять.

Продолжение литовского текста, который через мотив печения булки или баранки переходит к комическому окончанию, имеет соответствие (но вполне серьезное) в русском тексте: коровка, коровка, масляна головка. Речь идет, естественно, об обрядовом печении, когда в первый день рождества пекутся из теста фигурки коров, баранов или коньков и раздаются колядующим (сельскохозяйственная магия)⁶⁰. В других вариантах этого русского текста смысл заключительной фразы еще яснее. Ср. подайте коровку, масляну головку; в печи сидит на нас глядит⁶¹. подайте коровку, масляну головку; на огне стоит, на меня гля-

⁵⁶ Это соответствие тем более поразительно, что в славянских языках известна архаичная конструкция Dat.+Inf., тождественная аналогичной литовской. Ср. др.-русск. *нальзе мастера олову ляти*, др. чешск. *pytel peněžóm klásti* и т. п. См. J. Marvan, Verbum infinitum в балтийских языках и его отношение к славянскому состоянию, „Acta Universitatis Carolinae. — Philologica 2. Slavica Pragensis II“, Praha, 1960, стр. 7—16.

⁵⁷ Ср. *dalgaitį kalt* в литовском тексте сказки из Лазун, LKK, II, 1959, стр. 222.

⁵⁸ См. исправления, предложенные выше.

⁵⁹ Есть вариант *kalnam kniscie* «чтобы горы рыть».

⁶⁰ А. Б. Зернова, Указ. соч., стр. 37.

⁶¹ Там же, стр. 16.

дит! Подайте блинка, будет печь гладка⁶²; а им пашню пахать, переложки сломать; подавай пирога⁶³ и т. п.

Некоторые записи того же самого русского текста, будучи менее точными отражениями исходного текста, оказываются не менее важными для интерпретации текста и для исследования дополнительных связей его. Ср. текст обряда «козла петь», записанный в деревне Ярово Дмитровского района:

Пошел козел на новый двор косу просить.

На что косу? Траву косить.

На что траву? Коней кормить.

На что коней? Столбы возить.

На что столбы? Мосты мостить.

На что мосты? Христу ходить.

На что Христу? Богу молиться.

Подайте коровку, масляну головку

В печи сидит, на нас глядит,

А дверь идет — хвостом метет⁶⁴

или:

Коляда молода

У Иванова двора

У Ирины у большой

Купила горшок —

Кутью варить, жену кормить.

Чтоб детей родить,

А им пашню пахать,

Переложки сломать.

Подавай пирога⁶⁵.

Как видно из этих вариантов, все они непосредственно связаны с аграрными обрядами, известными под названием «козла петь»⁶⁶, «луг (плугу) кликать»⁶⁷, «колядование». Эта связь отражена не только самими текстами, но и тем, что они исполняются (об этом свидетельствует А. Б. Зернова) во время Рождества и сопровождаются соответствующими действиями. Древность их подтверждается наличием такого рода

⁶² А. Б. Зернова, Указ. соч., стр. 17.

⁶³ Д. К. Зеленин, Описание рукописей ученого архива РГО, т. II., СПб., 1915, стр. 712.

⁶⁴ См. А. Б. Зернова, Указ. соч., стр. 16.

⁶⁵ См. Д. К. Зеленин, Указ. соч., стр. 712. *К жену кормить, чтоб детей родить* см. *vaikelius gyrdzysiu ir ugdysiu* из варианта, записанного в Лазунах (см. J. Sepkū s, Указ. соч., стр. 222).

⁶⁶ Одним из результатов дегенерации этого текста является детская игра «козу водить».

⁶⁷ См. А. А. Потебня, Объяснение малорусских и сродных народных песен, II, Варшава, 1887, стр. 45 и след., 173 и след.; Его же, О мифическом значении некоторых обрядов и поверий, М., 1865, стр. 6, 21; А. Н. Веселовский, Разыскания в области русского духовного стиха, Сб. ОРЯС, т. 32, 1883, стр. 114 и след.

текстов почти во всех славянских фольклорных традициях, а также и в некоторых других, прежде всего — румынской и новогреческой⁶⁸. Любопытно и то, что эти «колядочные» тексты повторяют целый ряд особенностей, характерных для „Klausimai“ и русских текстов типа «На что косу? Траву косить...» Среди этих особенностей заслуживает особого внимания вопросо-ответная форма (часто с неожиданной концовкой), распространяющаяся, правда, и на некоторые смежные формы вроде весенних хоровых песен типа «А мы просо сеяли, сеяли»⁶⁹. Есть основания думать, что „Klausimai“ и «На что косу? Траву косить» отражают реально существовавшую диалогическую форму старых коляд⁷⁰. Не менее показательным следует считать и факт жанрового расхождения соответствующих текстов: литовские „Klausimai“, доведя формальную основу прежнего колядочного текста до предела, превратились в род сказки, тогда как аналогичный восточнославянский текст остался колядочной песней, сохранив при этом старый стихотворный размер. Не исключена попытка восстановления метрической формы текста, к которому восходят „Klausimai“. Почти несомненно, что она близка размерам славянских колядок: 4+4 (— — — — / — — — —), представленном в сербском и болгарском фольклоре и в разбираемом русском тексте⁷¹:

На что́ косу́? Траву́ ко́сить.

На что́ траву́? Корóв ко́рмить.

— ' — ' | — ' — '
— ' — ' | — ' — '

или же: 5+5 (— — — — — / — — — — —), характерном для русских коляд. Ср. чередование метрических возможностей, насколько о них можно судить по тексту „Klausimai“:

Kám tàs daĭgis? Šienēliui piáu̯ti.

Kám tàs šienēlis? Kárvēms ēsti.

Kám tōs kárvēs? Pienēliui mēlžti...

() — ' — | — ' — '
() — — ' — | ' — ' —
() — ' — | — ' — '

⁶⁸ См. P. Caraman, *Obrzęd koledzowania u słowian i u rumunów. Studium porównawcze*, Kraków, 1933.

⁶⁹ Ср. например, П. В. Штейн, *Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах*, СПб., 1898, № 382; А. Терещенко, *Быт русского народа*, СПб., 1848, V, 19; VI, 307; А. Б. Зернова, *Указ. соч.*, стр. 26 и след. и др.

⁷⁰ Ср. построение колядочной песни, общей полякам, украинцам, белорусам, румынам. См. P. Caraman, *Указ. соч.*, стр. 213. Весьма любопытна латышская коляда, приведенная Э. А. Вольтером, *Указ. соч.*, стр. 105—107.

⁷¹ Вообще же размер 4+4 не характерен для русских колядок (в отличие от украинских щедривок).

или в другом варианте:

o — ' — | ' — ' —

o — ' — | ' — ' —

Kám tōs kárvēs? Pienui dúoti.

Kám tās pienas? Sūriams slēgti...

(показательно постоянство хоренческих окончаний каждого полустихия).

Наконец, к числу особенностей, объединяющих названные литовские и восточнославянские тексты с близкими к ним фольклорными произведениями, можно отнести и такие, которые относятся к содержанию. В частности, речь идет о повторении некоторых сходных (иногда даже не вполне ясных в пределах данного текста) мотивах, позволяющих восстановить новый ряд реалий. Оставляя подробное рассмотрение таких мотивов для другой работы, ограничимся здесь лишь общим указанием отдельных параллелей.

В одном из приведенных вариантов русской коляды встречается выражение *мосты мостить*, связывающее этот текст со многими другими, заключающими это выражение⁷². Не перечисляя примеров (они часты и хорошо известны), заметим, что тема моста с разными вариантами отражена и в инославянских текстах, ср. сербско-хорв. *mi-si moste gradimo, iz česa je gradite? ... puščajte nas krez at most, a ča nam za to date* (из хорватской песни); словацк. *na čo vám to kamenia? zlaté mosty staväti? či sú mosty hotové? už sú mosty hotové...*; польск. *jawogowi ludzie, czego tu stoicie? stojemy, stojemy, mosty budujemy...* и т. п.⁷³. Та же тема присутствует и в балтийском фольклоре:

Nukaldink man tiltelj.

Nukalk tiltelj

Per Nemunēļi...⁷⁴

⁷² Ср.: Берите топоры!

— На что брать топоры?

Рубите вы сосны!

— На что рубить сосны?

Колите вы доски!

— На что колоть доски?

Мостите вы мосты!

— На что мостить мосты? и т. д.

См. П. В. Штейн, Великорусс., т. 1, вып. I, СПб., 1898, стр. 307 (№ 1038). Характерно и сходство формального построения этого текста с колядой, записанной А. Б. Зерновой.

⁷³ См. А. А. Потебня, Объяснения малорусских и сродных народных песен, I, Варшава, 1883, стр. 127 и след. Здесь же дана интерпретация этого выражения.

⁷⁴ См. Lietuvių liaudies dainos, стр. 93.

Jūrēs marēs suliūliavo,
Vario tiltas suskambėjo.
Po tuo tiltu tiltužėliu,
Ten žvejojo trys žvejeliai...⁷⁵

Ne ligoja alva tilts,
Man veneñem pareijōt...⁷⁶

Grėdite tilteñu

Por ustubeñu.

Lai munas kōjeñes

Na apmerk!⁷⁷ и т. п.

К таким же общим для балтийских и славянских фольклорных текстов мотивам принадлежит возжигание огня и приготовление козла к жертвоприношению. Ср., с одной стороны, русскую сказку об Аленушке и братце Иванушке и отражение той же темы в колядах и связанных с ними текстах (...леса стоят дремучие, во тех лесах огни горят, огни горят великие, ... он точит свой булатный нож, котел кипит горячий, возле котла козел стоит; хочет козла зарезати...⁷⁸ и, с другой стороны, дегенерированные формы этого мотива в балтийском фольклоре, включая детскую игру в Литве „vilkas avės gana“⁷⁹. Смысл этих и подобных им сопоставлений заключается в том, что сопоставляемые факты, принадлежа текстам, во многих отношениях близким к „Klausimai“ и «На что косу? Траву косить», расширяют тот общий балто-славянский фон, на котором сложились разобранные в этой статье фольклорные тексты и отраженные в них реалии.

Москва

ABOUT THE BALTO-SLAVIC CONNECTIONS IN THE FIELD OF FOLK-LORE.

V. TOPOROV

Summary

The aim of this article consists in illustrating on the basis of the Balto-Slavic folk-lore the big possibilities given by the structural and typological approach to the folk-lore texts even to the solution of genetic

⁷⁵ Šimtas liaudies baladžių, Kaunas, 1941, стр. 89 (ср. стр. 96).

⁷⁶ Э. А. Вольтер, Материалы для этнографии латышского племени Витебской губернии, стр. 361.

⁷⁷ Там же, стр. 183.

⁷⁸ См. И. М. Снегирев, Русские простонародные праздники и северные обряды, М., 1837, I, стр. 103, II, стр. 68 и др. Ср. также вырожденный вариант «Коза» (А. Н. Афанасьев, Народные русские сказки, № 27), кумулятивное построение которой возвращает нас к текстам вроде «На что косу? Траву косить».

⁷⁹ См. Э. А. Вольтер, Указ. соч., стр. 91, 100—101, 109—110.

problems. The object of analysis is a unique class of Lithuanian texts represented by a number of variants of a Lithuanian popular tale „Klausimai“ („Questions“) (comic texts in which the effect is produced by means of a certain discrepancy between the strict logic of the compositional structure, automatically functioning in its form of questions and answers, and fastening together the whole text, and the unexpected semantic associations, following one another in the compositional chain). The results of the analysis are as follows: a synoptic table, representing the relations among the different variants of „Klausimai“ on the level of semantic transcription; a general scheme of a popular tale, being realized by all of its variants, on the level of phonomorphological transcription. An attempt to analyse the position of such texts within the Lithuanian folk-lore tradition necessitates the analysis of some other texts characterized by the „chain-structure“, cp. first of all the popular tales of such a type as „Vištytė ir gaidžiukas“ (lettish „Gailītis un vistiņa“), the structure of the kernel of which $[kam + Nom_1 + Vb(+Dat') \rightarrow Nom_2 + Vb(+Dat_1)] \rightarrow [kam + Nom_2 + Vb(+Dat_1) \rightarrow Nom_3 + Vb(+Gen_2)]$ etc. seems to be rather similar to the „Klausimai“ scheme. The comparison of the Baltic popular tale with the corresponding variants of the East-Slavic popular tale shows us that the relations between the Baltic and Slavic versions are those of transforms one of which results from the effect of the operator of interrogation. The taking into consideration of the East-Slavic popular tale about the cock and the hen is rather instructive, for being obviously connected both with „Klausimai“ and with the Baltic variants of the cock and the hen tale, it helps to establish connections between the isolated within the Lithuanian folklore tradition „Klausimai“ and the popular tale within the same tradition of the „Vištytė ir gaidžiukas“ type. The task of the historical interpretation of „Klausimai“ and that of the establishment of its genetic connections can be fulfilled by means of analysis of a Russian folk-lore text recorded in the Dmitrovskī region (to the North of Moscow) — „На что косу? Траву косить.“ This text being almost an ideal formal and semantic correspondence of the Lithuanian „Klausimai“ certainly belongs to the Koliada type, and is connected with the agrarian ceremonial rites. Therefore it is suggested that the Lithuanian „Klausimai“ should also be interpreted as a result of a partial degradation of an old text, belonging to the Koliada type. The article is concluded with some examples of the degradation of such texts (e. g. children's games) and with a supposition about the probable metrical form of the text to which „Klausimai“ goes back.

IŠ BALTŲ-SLAVŲ TAUTOSAKINIŲ RYŠIŲ SRITIES

V. TOPOROVAS

Reziumė

Straipsnio tikslas — remiantis baltų ir slavų folkloro medžiaga, pa-
ilustruoti plačias galimybes, kurias struktūrinis-tipologinis tautosakinių
tekstų nagrinėjimas atveria net genetinių problemų sprendimui. Analizuo-
jama unikali lietuviškų tekstų klasė, atstovaujama daugelio pasakos „Klau-
simai“ variantų (pašaipaus pobūdžio tekstai, kuriuose efektas pasiekiamas
tam tikru neatitikimu tarp labai logiškos, automatiškai veikiančios klau-
simų-atsakymų kompozicinės struktūros, tvirtai jungiančios visą tekstą, ir
nelauktų semantinių asociacijų, einančių viena po kitos kompozicinėje
grandinėje). Analizės rezultatai: sinoptinė lentelė, kurioje pateikiamas
„Klausimų“ įvairių variantų santykio užrašas semantinėje plotmėje; bend-
ra pasakos schema su visais jos realizavimo variantais fonomorfologinėje
plotmėje. Siekiant nustatyti tokių tekstų vietą lietuvių tautosakoje, ana-
lizuojama keletas kitų „grandinės“ struktūros tekstų, pavyzdžiui, pir-
miausia „Vištytės ir gaidžiuko“ (lat. „Gailītis un vistiņa“) tipo pasaka, ku-
rios branduolio struktūra $[kam + Nom_1 + Vb(+Dat') \rightarrow Nom_2 + Vb(+Dat_1)]$
 $\rightarrow [kam + Nom_2 + Vb(+Dat_1) \rightarrow Nom_3 + Vb(+Gen_2)]$ ir pan. pasirodo esanti
gana artima „Klausimų“ schemai. Baltų pasakos sugretinimas su atitinka-
mais rytinių slavų pasakos variantais rodo, kad baltų ir slavų versijos
santykiauja kaip transformai, kurių tarpe vienas yra klausinėjimo opera-
toriaus veikimo rezultatas. Palyginimas su rytinių slavų pasaka apie gaidį
ir vištą vertas dėmesio dėl to, kad ši pasaka, būdama, be abejonės, susi-
jusi ir su „Klausimais“, ir su baltiškais pasakos apie gaidį ir vištą va-
riantais, tuo pačiu padeda nustatyti ryšį tarp lietuvių folkloro tradicijoje
izoliuotų „Klausimų“ ir „Vištytės ir gaidžiuko“ tipo pasakų. „Klausimų“
istorija ir genetiniai ryšiai nustatomi, analizuojant vieną rusų folklorinį
tekstą („На что коцы? Траву косить“), užrašytą Dmitrovo rajone (į šiaurę
nuo Maskvos). Šitas tekstas, formos ir semantikos atžvilgiu beveik idea-
liai sutampantis su lietuvių „Klausimais“, neabejotinai priklauso kalėdų
tipui ir yra susijęs su agrarinėmis apeigomis. Todėl siūloma ir į lietuvių
„Klausimus“ žiūrėti kaip į seno kalėdų tipo teksto dalinės degradacijos
padarinį (rezultatą). Straipsnis baigiamas kai kuriais panašių tekstų degra-
dacijos (net iki vaikų žaidimų) pavyzdžiais ir prielaida dėl teksto, iš kurio
kildintini „Klausimai“, metrinės formos.